

Интимный дневник или психологический портрет?

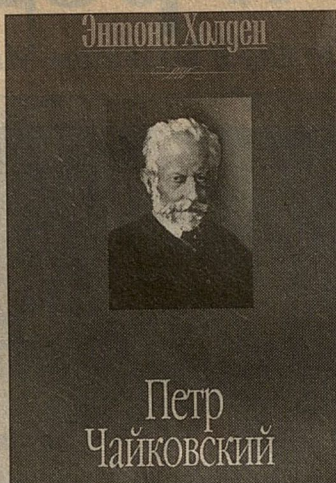
Новые биографии Чайковского и Моцарта

"Сегодня, как и всегда, московские и петербургские интеллектуалы считают, что биографии великих художников должны касаться только их творчества... изучение частной, закулисной жизни остается декадентской западной привычкой, оскорбительной для русской чувствительности..." Столь категоричное утверждение Энтони Холдена не может не удивить читателей, хорошо знающих, сколь много всякого написано у нас, к примеру, о личной жизни Пушкина, Блока или Маяковского. Но, может быть, это более справедливо в отношении композиторов? До некоторой степени. По крайней мере, относительно личной жизни Чайковского, героя книги английского исследователя, у нас до недавнего времени была принята фигура умолчания. Зато теперь все желающие смогут удовлетворить свое любопытство.

Личная (в том числе и интимная) жизнь занимает свое место и в изданной у нас почти одновременно с работой Холдена о Чайковском биографии Моцарта, принадлежащей перу французского писателя Марселя Бриона, при этом, однако, не становясь доминирующей темой. Подходы двух авторов не просто различны, но на первый взгляд даже диаметрально противоположны. Для Бриона главное – творчество Моцарта. Что до жизненных обстоятельств, то они используются исследователем прежде всего в качестве штрихов к психологическому портрету героя. Для Холдена, напротив, само творчество Чайковского служит объяснением и иллюстрацией загадок его жизни и смерти. В одном, впрочем, англичанин и француз сходятся. Пусть последний нигде этого прямо не декларирует, но и к его герою "смерть приходит не просто как конец, но как естественный финал предшествующей ей цепи кратковременных или долговременных событий".

Моцарту, не в пример Чайковскому, нечего было скрывать от современников и потомков, однако загадочные обстоятельства, связанные со смертью обоих, делают неизбежными некоторые параллели. Не обошелся без них и Холден: "Его (Моцарта. – Д.М.) версия... последней в жизни Чайковского недели настолько путана и противоречива, что породила в истории музыки одну из ее величайших тайн, чуть ли не столь же волнующую и часто муссируемую, как та, которая якобы окружала преждевременную смерть кумира Чайковского – Моцарта". В отличие от Холдена Брион не претендует на окончательное разрешение загадки смерти своего героя и даже не ставит перед собой подобной задачи, но уж в том, что Моцарт не был отравлен, он абсолютно убежден, как убежден его английский коллега, что Чайковский умер совсем не от холеры.

"Характер смерти Чайковского, – утверждает Холден, – нерасторжимо связан с повседневными подробностями его жизни..." Под "повседневными подробностями" автор понимает прежде всего те, что связаны с сексуальной ориентацией композитора. Тема эта у нас долгое время являлась своеобразным секретом Полишинеля. Да и о том, что смерть его была самоубийством, вызванным болезнью осласки, мы слышали даже еще до того, как об этом стали писать на Западе. Но одно дело – слышать, а другое – прочесть многочисленные свидетельства, собранные вместе и должным образом откомментированные, как, впрочем, и аргументы противников данной версии. Закрывая книгу, мы уже почти не сомневаемся, что именно так все и было. (Суть этой истории для тех, кто не в курсе дела, вкратце такова. В 1893 году у Чайковского завязался роман с юным племянником графа А.Степнов-Фермера, близкого друга Александра III. Разгневанный граф написал жалобу царю и передал адвокату Н.Якоби, однокласснику композитора по Училищу правоведения. Якоби более всего озабочен был возможным уроном репутации этого элитного учебного заведения и создал "суд чести" из школьных товарищей, бывших в то время в Петербурге, каковые пять часов совещались за закрытыми дверями, после чего, по свидетельству очевидцев, Чайковский вышел "очень бледный и взволнованный". Условием, при котором "судьи" соглашались скрыть письмо от царя, было то, что он лишит себя жизни, имитировав холеру, симптомы коей сходны с отравлением мышьяком. И через несколько

дней по Петербургу разнеслась весть о смертельной болезни.)

Холден подробно проследивает возникновение у своего героя противоестественных склонностей, называя по именам многих из тех, с кем его связывали определенного рода отношения и даже отыскивая следы этих романов и увлечений в его произведениях. Последнее, впрочем, всегда субъективно и труднодоказуемо. Само по себе утверждение, что "гомосексуальность Чайковского формировала и наполняла его музыку", едва ли можно полностью отвергнуть, тем более что прямая связь одного с другим в ряде случаев подкреплена его собственными и другими свидетельствами. Но и пытаться все творчество Чайковского рассматривать под этим углом, представляя его в виде некоего подобию "интимного дневника", – явная натяжка.

"У нас много герцогов и баронов, но только один Чайковский", – якобы, сказал, узнав о смерти композитора, чрезвычайно высоко его ценивший Александр III. Что было бы, если бы он все узнал? Скорее всего, кроме моральной травмы, разоблачение ничем Чайковскому не грозило, и он вполне мог бы жить еще долго. Впрочем, предавшись "сослагательному наклонению", можно пойти и дальше: а если бы отец Чайковского не разорился и будущий композитор не был разлучен с обожаемыми им женщинами – матерью и гувернанткой, не был вынужден поступить в Училище правоведения, с которого все началось, и если принять версию "суда чести", то и закончилось? Может, в этом случае у Чайковского не развились бы его противоестественные наклонности? Но тогда он, скорее всего, не стал бы тем великим композитором, которого мы знаем, или, по крайней мере, был бы совсем другим.

К "сослагательному наклонению" побуждает и книга Марселя Бриона. Моцарту, опять же в отличие от Чайковского, с императором не повезло. Если бы не преждевременная смерть Иосифа II, которого сменил оказавшийся столь неблагоприятным к нему Леопольд II; если бы Моцарт не женился на Констанце и, соответственно, вел не столь разорительный образ жизни; наконец, если бы ему не заказали Реквием, причем в столь таинственной форме, сколько он еще бы мог прожить...

Из биографии Бриона (написанной полвека назад и с тех пор несколько раз переиздававшейся во Франции) мы почти не узнаем новых фактов, разве только нюансы. От многих других биографий ее отличает стремление к большей объективности как в отношении самого Моцарта, так и его близких (прежде всего, Леопольда), а также тех, кого принято изображать лишь в черных кра-

сках, вплоть до архиепископа Колонго, за которым даже признается какая-то своя правота. Брион также дает довольно рельефные портреты таких колоритных фигур, как Лоренцо Да Понте и Эмануэль Шиканедер. И все же для Бриона, вдохновенно на этот труд пронесенной через всю жизнь любовью к музыке Моцарта, именно она и становится главной героиней. Сугубо литературными средствами, не прибегая к специальным терминам, он дает блестящий, тонкий и глубокий анализ, к примеру, фортепианных концертов, "Свадьбы Фигаро" и многих других произведений Моцарта. Чрезвычайно интересны размышления писателя об образе Дон Жуана или о рококо и романтизме применительно к Моцарту. Дорого стоят разбросанные то тут, то там замечания вроде этого: "У Моцарта радость и печаль особым образом сплавляются одна с другой и так тонко сливаются воедино свои колдовские чары, что радость становится мучительной, а печаль изысканно-очаровательной". Не будучи профессиональным музыковедом, Брион тем не менее почти исчерпывающе проследивает все многочисленные музыкальные влияния, которые формировали облик Моцарта. И даже если иные выводы и обобщения писателя покажутся кому-то спорными, надо признать, что он отнюдь не пытается подтягивать реальность под свою концепцию, как порой происходит у Холдена.

Энтони Холдену издательство "ЭКМО" доверило обращаться к читателям без посредников (разумеется, за исключением переводчика). Марселя Бриона "Молодая гвардия" решила "подкрепить" научным редактором, пригласив в качестве такового некую В.Ражеву, среди признанных моцартоведов не числящуюся. То и дело пытаюсь поправлять автора, она иногда попадает в просак. Например, когда Брион говорит о Ниссене как о первом биографе Моцарта, она, отстаивая русское "первородство", утверждает, что первым вовсе даже был наш Ульбишев (между тем как из помещенной в конце книги библиографии недвусмысленно следует, что биография Ниссена вышла аж на 15 лет раньше). При этом г-жа Ражева не замечает действительных ошибок автора (например, приписывание авторства либретто "Мнимой садовницы" Кальцабиджи, что давно опровергнуто в моцартоведении, или странное утверждение, будто Кампра написал только увертюру к опере "Идомей", а не саму оперу, ныне, кстати, хорошо известную по записи), расписываясь тем самым в недостаточной компетентности.

И под конец вновь вернемся к вопросу, должны ли все же биографии великих композиторов касаться частной, "закулисной" жизни? Риску ответить утвердительно, но с одной существенной оговоркой: все зависит от такта и чувства меры. К примеру, в недавно изданном у нас романе Пьера Ла Мюра "Лунный свет" о Клоде Дебюсси это чувство автору изменяет и смакование интимных подробностей подчас становится самоцелью. В биографиях Бриона и Холдена подобного, к счастью, не происходит, поскольку их авторы нигде не забывают о своей главной цели. В соответствии с этой целью частная жизнь у Энтони Холдена занимает огромное место, но все же не приобретает самодовлеющего значения и в конечном счете способствует лучшему постижению личности и творческого гения русской музыки. Ибо без понимания того обстоятельства, что Чайковский всю жизнь страдал от своей ненормальности, презирал и казнил себя за нее, более всего на свете страшась разоблачения, невозможно уяснить природу его пессимистического мироощущения, того трагизма, коим проникнута значительная часть его творчества. Ну а если для кого-то само осознание факта, что иные из наиболее вдохновенных лирических тем композитора (например в "Ромео и Джульетте") навеяны вполне конкретными юными особами отнюдь не противоположного пола, станет шокирующим открытием, то тут уж ничего не попишешь: он был таким, каким был. Как говорится в одном старом анекдоте, мы его ценим не только за это.

Дмитрий МОРОЗОВ

Энтони Холден. Петр Чайковский. М.: "ЭКМО", 2003. (Серия "Русские биографии")

Марсель Брион. Моцарт. М.: "Молодая гвардия", 2004. (Серия "ЖЗЛ")

Кубебурра-доо-4-1-7 апр.-с.13